

Содержание

Часть I

Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	25
Глава 4	32
Глава 5	45
Глава 6	58
Глава 7	68
Глава 8	81
Глава 9	93
Глава 10	101
Глава 11	112
Глава 12	118

Часть II

Глава 13	129
Глава 14	133
Глава 15	139

Глава 16	146
Глава 17	171
Глава 18	179
Глава 19	191
Глава 20	196

Часть III

Глава 21	217
Глава 22	221
Глава 23	230
Глава 24	245
Глава 25	252
Глава 26	257
Глава 27	267
Глава 28	272
Глава 29	281
Глава 30	287
Глава 31	293
Глава 32	300
Глава 33	308
Глава 34	316

Часть I

Глава 1

Валентин Уваров почувствовал, что сошёл с ума. Удар в сознание, а дальше — не понятно, наверное, никому на свете, что с ним произошло. Легче принять смерть, чем это. А ведь он был в жизни своей (Валентину исполнилось недавно тридцать лет) весьма и весьма глубинен, много читал, общался в самых потаённых московских кружках, которые существовали в начале нашего XXI столетия...

Наконец Валентин огляделся. «Оглядеться никогда не мешает», — подумалось где-то за пределами ума. Но куда смотреть — в себя или вокруг? Валентин взглянул вокруг. Милый лесок с невинными птичками, поляна в цветах — всё исчезло, как будто их всех сдунула незримая, но высшая сила...

Оглянувшись, всё-таки Валентин понял, что лучше заглянуть в самого себя. Там уже почти произошло ощущение глобального сдвига, и из океана неопишемого вполне проглядывала его полузагадочная, но привычная личность. Да, это был он. Личность осталась.

А вдали и вокруг творилось нечто действительно неопишемое, и не только с точки зрения здравого смысла.

Откуда взялись эти дикие, людоедские, если интуитивно взглядеться, деревья? С их ветвями, обращёнными вверх, словно с мольбой о милосердии?

Над головой — чёрное небо, но почему-то светящееся, словно тьма может излучать свет. Свой свет мрака!

Но была ли ночь?! Вдали на горизонте что-то пылало багровым, по-человечески живым пламенем! Словно люди превратились в огонь.

А земля? По ней и ступать было страшно. Она путалась, шипела под ногами, как змея.

Недобрая это была земля.

«Всё ясно, — решил Уваров. — Я на самом деле сошёл с ума. Всё, что я вижу, — мираж, невиданная самим дьяволом галлюцинация. Что делать?»

Уваров вдруг сам зашипел.

«Если я сошёл с ума, то всё позволено, — попытался успокоить он сам себя. — Иди, Валя, вперёд. Видишь дорожку?! Ну и иди по ней, будь она самой проклятой чёрной галлюцинацией. Иди по ней».

Дорожка и вправду не путалась, виделась, как на балу. Хоть танцуй, хоть беги.

И Уваров побежал. Скорей, скорей, чтоб мираж исчез. «От бега и на душе легче», — подумал он, ни о чём не думая. А внутри что-то стучало: «Это смерть, Валя, но смерть вторая, самая страшная». — «А за что?» — «Да ни за что. Просто так». — «Такое не бывает». — «На белом свете и правда не бывает, а вот у нас, Валя, это как правило», — прозвучало что-то внутри.

Уваров попробовал унять, усмирить душу и всё, что в ней оказалось, словно это была не душа, а вселенский мешок. Но тут кто-то его укусил.

Слава богу, это был человек. Скорее не человек ещё, а дитя, маленькое, юркое и не по росту бесшабашное.

На Уварова смотрели детские глаза, но что-то в них было подозрительное и, мягко говоря, совсем не детское.

— Ты чего кусаешься? — тупо спросил Уваров. Дитя в ответ дико заверещало непонятно что и вдруг вцепилось Уварову прямо в брюки, в член. Уваров инстинктивно защитился и увидел на миг глаза ребёнка, полные ненависти и, кажется, наслаждения, которому нет конца.

В ужасе Валентин отбросил ребёнка и опять побежал. Но куда бежать? На горизонте — пылающий мрак, силуэты причудливых зданий, словно растворяющихся в воздухе. «Мираж» не исчезал, а Уваров всё бежал и бежал.

Наконец остановился — не стало сил. Мальчик оставался далеко позади, но упорно приближался, точно заведённый...

Уваров начал молиться, но с ужасом почувствовал, что слова молитвы падают в пустоту, словно это пространство не принимало молитв.

И внезапно — рёв машины. На дороге оказалось нечто похожее на автомобиль, точнее, бронированный вездеход дикой формы. Из него выскочили четверо низкорослых, но коренастых мужчин, видимо хорошо вооружённых. Чем — Уваров не понял. Они злобно, резко направились

к нему. Подскочил и мальчишка. Один из мужчин ударил его кулаком в голову, и ребёнок отлетел в канаву. Другой — подошёл и изнасиловал его, мужчины же стояли и поджидали насильника. Валентин тоже стоял. Изнасиловавший быстро вернулся, а мальчишка как ни в чём не бывало выглянул из канавы и всё смотрел и смотрел.

Вооружённые люди подошли к Уварову, что-то прошипели на совершенно незнакомом языке, если это вообще был язык.

Они впихнули Уварова, находящегося почти в сомнамбулическом состоянии, в машину и поехали.

...Уваров очнулся, надеясь на конец сновидения. Не тут-то было. Один из вооружённых дал ему по зубам и вывел из машины на свет...

То был город с пугающими своей странностью домами: люди, которых, наверное, можно было бы назвать полицейскими, схватили Уварова за шиворот и ввели в здание. Он опять потерял сознание, память и ум, но вооружённые не обратили на это внимания.

Уваров очнулся, когда был уже на сцене, — сооружение, во всяком случае, напоминало сцену. А вокруг — не зрительный зал, а нечто хаотичное. Стулья стояли не рядами, а где попало, и множество крайне низкорослых людей сидели, лежали на полу, стояли, подпрыгивали тоже где попало. Одежда их, однако, была проста. При всём её разнообразии — ничего лишнего.

Рядом с Уваровым стоял человек и что-то говорил, по-видимому, в микрофон на том же

невообразимом языке и указывал на Уварова. Позади говорящего — охранники, почему-то с цепями.

До Уварова наконец дошло, что никакая это не галлюцинация, не чёрный мираж, не выжившее из ума сновидение, материализовавшееся каким-то образом, перед ним — так называемая реальность.

Было о чём задуматься. И кровь текла изо рта лишь чуть-чуть реально, видимо, повредил зуб. Тогда Уваров закричал. Кричал он громко, путая русские, английские и французские слова. Все слушали его, не мешая.

Он кричал о том, что можно не верить в Бога, но надо, по крайней мере, уважать любое живое существо, если у него есть глаза, которые смотрят и видят мир.

После его сумбурной, почти безумной речи воцарилось молчание.

Человек рядом опять заговорил, а двое охранников подошли поближе к Уварову. И внезапно люди точно сорвались с места. Уваров только хотел крикнуть, что он не с Луны свалился, но не успел. Кругом завывали, завизжали, но в основном прыгали назад и вперёд, некоторые приплясывали, другие просто совокуплялись на глазах у окружающих. Но вокруг стоял хохот. Многие указывали пальцами на Уварова и давились от хохота, но как-то неестественно и пугающе. Некоторые подбегали совсем близко к Уварову, и Валентина шатало от их взглядов, бессмысленно-трупных.

Активность толпы вдруг затихла. Даже совокупляющиеся расцепились и пришипенились.

Вошли люди в темно-синей форме, подтянутые, но свирепые от избытка своих полномочий. Они подошли к Уварову и отшвырнули оратора, стоящего рядом с ним. Охранники исчезли. Полномочные вежливо-жестко подхватили Уварова и увели его. Длинными подземными коридорами, тёмными, как ночь, его провели в огромную полупустую комнату. В центре её, в кресле, под чучелом невиданной громадной птицы, напоминающим скелет птеродактиля, сидел худой, благообразный на вид старик. Рядом с ним, на стуле, сидел, как изваяние, другой старик, напоминающий большую гадливую кошку. Он раскрыл рот и жестом дал знать Уварову, чтоб он говорил.

Валентин заявил, что он просит доставить его в российское посольство, и повторил своё высказывание несколько раз, то спокойно, то истерично.

Гадливый старичок, видимо, ничего не понял, он лишь внимательно прислушивался к звукам. Потом что-то шепнул на ухо своему отрешённому, как мумия, начальнику. Тот дал указание пальцем.

Старичок подскочил к Уварову и стал его ощупывать и обнюхивать. Прошёлся по спине, по заднице, дёрнул за член, и лицо его выражало полное изумление.

Валентин посмотрел ему в глаза, гадливый старичок улыбнулся, но в его круглых, как луны, глазах проблеснул патологический ужас. Отскочил и, обернувшись к мумиеобразному начальнику, что-то заверещал. Тот наконец ответил — тихо, но грозно. Стражники схватили Уварова, накинули на него ошейник и вывели во двор. Там стояла

сигарообразная, серебристого цвета машина, и Уваров, решивший ни о чём не думать, кроме смерти, оказался в ней.

Машина двинулась. Стражники с ничего не выражающими лицами сели рядом. Один из них шумно испустил непристойный звук, никто не пошевелился.

Валентин вглядывался в окружающий мир, надеясь найти в нём что-то знакомое. Ничуть. Этот мир поражал своей агрессивной мертвенностью. Облака, тучи нависали необычно низко, заслоня собой бездонную голубизну неба.

Лес походил на живое существо, поражённое предсмертной агонией. Пробежал зверёк, словно сошедший с ума.

— И непонятно даже, — пробормотал Валентин, — что сейчас, день или ночь. Может быть, здесь день превращён в ночь, а ночь в день.

Он попытался помыслить рационально, прийти в себя. Во-первых, он жив, а следовательно, жива в нём и вера в Бога. Во-вторых, он попал неизвестно куда, но ведь на свете могут происходить вещи, которые не снились не только философам, но и всем людям, вместе взятым, включая так называемых учёных. В-третьих, если его убьют — это не катастрофа, все умирают и продолжают жить иной жизнью, как и сказано во всех Откровениях. Только не надо задавать себе истерических вопросов: Что это за мир? Где он? Что означают эти люди?.. Рано или поздно это выяснится само собой.

Валентин взял себя в руки. Это был весьма приятный светловолосый человек, глаза зелёные,

умные... В конце концов, он недаром вживался в эзотерические, пусть даже скорее полуэзотерические московские круги. Писал стихи, которые встречали глубокий отклик, переводил любопытные книги.

«Самое главное сейчас — не сойти с ума, — подумал Валентин. — Как тот зверёк, что пробежал под землю мимо...»

Но не сойти с ума оказалось трудным делом. Ум настолько расшатался от всего увиденного, что Валентину казалось — ещё немного, и ум полетит в бездну, и что возникнет вместо ума, одному Богу известно. Ум висел над пропастью, из которой нет возврата...

А машина мчалась и мчалась.

Внезапно — стоп, приехали. Уварова вытолкали наружу. Перед ним было нечто вроде крепостной стены, уходящей вдаль, в бесконечность. Но в стене оказались ворота. Они медленно открылись. Валентин ожидал увидеть там нечто чудовищное, вроде спрута, пожирающего самого себя, но за стеной виднелась дорожка, поляна, кустарники, деревья... Охранники ввели Уварова внутрь. У ворот стояла молчаливая стража.

Во время поездки Валентина больше всего угнетало молчание. Молчали не только охранники, молчало всё: природа, деревья, небо, весь мир. Автомобиль и тот ехал бесшумно. Мир вокруг молчал так, как будто его уже не существовало. Зловещее это было молчание...

Охранники повели Валентина по дорожке. Шли недолго — минут пятнадцать, если считать

по-нашему, и наконец Валентин увидел небольшой одноэтажный домик. Словно дача какая-то. Охранники указали ему на домик, а сами неожиданно повернулись и пошли назад. Валентин оцепенел, но ему ничего не оставалось, как идти к домику.

«Пространство всё это, видимо, окружено стеной, — подумал он. — Да и куда идти? Только к домику». Валентин огляделся. Как ни странно, природа здесь оказалась как-то чуть-чуть человечней, немного мягче, что ли. Он побрёл к домику, один, в своём лёгком летнем костюмчике, купленном в Питере... Но опасность сумасшествия не сходила. Окна домика были открыты, и вдруг он услышал такое, от чего холод прошёл по спине. Он почувствовал, что сердце вот-вот разорвётся.

Слышал он пение: «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан, не входи, родимая, попусту в изъян...» Пела женщина, на чистом русском языке. Потом открылась дверь, и на пороге появилась девушка в народном русском одеянии. На её голове красовался кокошник.

Если можно сойти с ума дважды, сначала один раз, а потом ещё один, в глубь безумия, — то именно в таком состоянии застыл Валентин. Но второе безумие было уже блаженным.

Глава 2

— М ама, мама, ещё один! — закричала девушка в глубину дома. — Он русский, наш, сразу видно!

На её зов вышли пожилые люди, женщина и мужчина, лет пятидесяти, может быть, тоже в народной одежде, похожей на ту, которую носили в XIX веке. Они остолбенело смотрели на Валентина. Но девушка решительно и неожиданно подбежала к нему.

— Не бойсь, — тихо сказала она. — Здесь свои. Никто тебя не обидит. Идём в дом.

— Где я? — спросил Валентин.

— В аду, — ответила девушка. — Но здесь наше пристанище, и тут не ад, а русский дом.

Валентин твердил про себя только одно: «Я не сошёл с ума, я не сошёл с ума... Господи, помилуй...»

Девушка улыбнулась и вслух произнесла:

— Господи, помилуй... Идём, будешь нам родным.

«Если принимать зло как факт, то и благо надо принимать так же», — мелькнуло в уме Валентина. Улыбка девушки, её лицо сразу ввели Валентина в очистительный транс. На глазах его появились слёзы, он готов был разрыдаться.